
Дипломатические приёмы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлёвский протокол и особая кухня

Владимир Невежин

Diplomatic receptions of Josef Stalin in 1941–1945: the Kremlin protocol and special cuisine

Vladimir Nevezhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Проблематика дипломатических приёмов (обедов, банкетов¹) периода Великой Отечественной войны не была представлена в обобщающих трудах по истории войны и дипломатии², лишь частично затрагивалась в работах, посвящённых отношениям СССР с отдельными странами антигитлеровской коалиции³, а также дипломатическому протоколу⁴ и особой кремлёвской кухне⁵.

Цель данной статьи – рассмотреть специфику подготовки и проведения в Кремле обедов, которые устраивались в честь союзников Советского Союза в 1941–1945 гг.; проанализировать деятельность в этой сфере руководства и сотрудников Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР и других ведомств; показать значение кремлёвской кухни.

Дипломатический протокол – это общепринятые правила международной вежливости, традиции и условностей, соблюдаемых в ходе общения представителей различных государств с учётом их национальных особенностей. Что касается советского (кремлёвского) протокола, то к началу Великой Отечественной войны он был своеобразен.

Как известно, еда, помимо прочего, формирует социокультурные условия существования человека, его потребности и практики, «необходимость единения, коммуникаций с себе подобными, приобщения к деятельности других людей»⁶. Между тем редко изучалась роль еды в таком контексте. Специальные отрасли науки о ней – гастика и гастрософия – только начинают входить в предметную часть истории как отрасли знаний⁷.

© 2017 г. В.А. Невежин

¹ Дипломатический обед (банкет) начинался между 20 и 21 ч и продолжался два–три часа (Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2004. С. 132).

² Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3 т. Т. 2. М., 2002; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. М., 2014.

³ Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. М., 2004; Печатнов О.В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006.

⁴ Молочков Ф.Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. Изд. 2, доп. М., 1979; Борунков А.Ф. Дипломатический протокол. М., 1993. Семёнов В.Л. Практика дипломатического протокола и этикета. М., 2002; Семёнов И.Н. Российский дипломатический протокол. М., 2011.

⁵ Кремль. Особая кухня. Ветеранам посвящается. М., 2014.

⁶ Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманитаристической биополитики. М., 2014. С. 8.

⁷ Невежин В.А. Еда и алкогольные напитки на дипломатических приёмах в Кремле (1941–1945 гг.) // *Codrul Cosminului*. 2014. Vol. XX. № 1. P. 150; Павловская А.В. Еда и наука: две вещи несовместимые? // Материалы I международного симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». 30 октября – 1 ноября 2014 г. М., 2015. С. 30–31.

Если совсем недавно при изучении некоторых аспектов рассматриваемой проблематики источниками служили преимущественно мемуары и дневники советских и иностранных участников дипломатических приёмов в Кремле⁸, то в данной статье исследованы ранее не известные материалы — хранящиеся в АВП РФ (ф. 06. Секретариат народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова) и опубликованные в интернете⁹.

В международной жизни дипломатические приёмы являются одной из общепринятых и распространённых форм деятельности исполнительных органов власти и внешнеполитического ведомства любого государства. Помимо представительского значения они используются как средство установления, поддержания и развития контактов дипломатического корпуса с властями страны пребывания, играют важную роль в деле оказания необходимых по протоколу почестей и демонстрации гостеприимства высоким зарубежным гостям, прибывающим в страну с официальными визитами¹⁰.

В период Великой Отечественной войны необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности, конечной целью которой являлось достижение победы над общим врагом — Германией и её сателлитами, требовала постоянного обмена мнениями между государствами — членами антифашистского альянса. Москву с официальными визитами неоднократно посещали представлявшие его политические лидеры, военные деятели и дипломаты. Как правило, помимо переговоров и других протокольных мероприятий, в Кремле от имени главы правительства СССР И.В. Сталина, который в мае 1941 г. сменил В.М. Молотова на посту председателя СНК, устраивались дипломатические обеды.

С 1 октября 1941 г. по 13 августа 1945 г. в Екатерининском зале Большого Кремлёвского дворца прошло 23 таких обеда: 21 раз они давались в честь представителей государств антигитлеровской коалиции и два — по случаю прибытия делегаций не входившей в неё Монгольской Народной Республики. Несмотря на то, что в войну против Японии эта страна вступила лишь 10 августа 1945 г., в течение Великой Отечественной войны она оказывала СССР посильную экономическую помощь.

---

⁸ *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы Сталина в Кремле 1941–1945 гг. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы VII международной научной конференции. Краснодар, 2012. С. 340–356; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы И.В. Сталина периода Второй мировой войны (1939–1945 гг.) глазами представителей иностранных государств // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2013. Вып. XII. С. 222–237; *Невежин В.А.* Сталинская «стратегия банкета»: дипломатические приёмы в Кремле в честь союзников (1943 г.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 108–114; *Невежин В.А.* Церемониал дипломатических приёмов Сталина 1941–1945 гг. // Историк и художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 448–462; *Невежин В.А.* Еда и алкогольные напитки на дипломатических приёмах в Кремле... С. 149–166; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы в Кремле и вербальная коммуникация союзников // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 283–289; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы в Кремле в честь союзников 1941–1945 гг.: вербальный контекст // История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пределы и возможности современных интерпретаций ключевых проблем. М., 2015. С. 178–189.

⁹ СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции (URL: <http://agk.mid.ru>).

¹⁰ *Лядов П.Ф.* Указ. соч. С. 108.

Наибольшее число приёмов (девять) было устроено в честь английских и американских союзников¹¹. 1 октября 1941 г. Сталин принимал в Кремле членов делегаций, участвовавших в конференции представителей трёх союзных держав (СССР, Великобритании и США); 20 декабря – министра иностранных дел Великобритании А. Идена; 14 августа 1942 г. – английского премьер-министра У. Черчилля и А. Гарримана, личного представителя президента США Ф.Д. Рузвельта. 26 сентября 1942 г., 23 мая 1943 г. и 1 июня 1945 г. банкеты устраивались по случаю прибытия в Москву соответственно Дж.Э. Дэвиса, У. Уилки и Г. Гопкинса. Все трое также являлись личными представителями американских президентов (Уилки и Дэвиса направлял в Москву со специальными миссиями Рузвельт, а Гопкинса – Г. Трумэн). 30 октября 1943 г. обед в Кремле устроили в честь государственного секретаря США К. Хэлла и А. Идена, возглавлявших делегации западных союзных держав на Московской конференции руководителей внешнеполитических ведомств Большой тройки. 18 октября 1944 г. почётными гостями на банкете в Кремле стали Черчилль и Иден, а 13 августа 1945 г. – генерал армии США Д. Эйзенхауэр.

Пять раз кремлёвские банкеты устраивались в честь польских союзников – председателя Совета министров польского правительства в изгнании (эмиграции) В. Сикорского (4 декабря 1941 г.), командования польской армии (16 марта 1944 г.), руководителей Польского комитета национального освобождения (27 июня 1944 г.), президента Крайовой рады народной и премьер-министра иностранных дел Временного совета министров Польской Республики Э. Осубки-Моравского (21 апреля 1945 г.), Б. Берута, членов Временного правительства Польши и находившихся в Москве польских политических деятелей (23 июня 1945 г.).

Четыре раза такой чести удостоивались чехословацкие союзники – президент Чехословакии в изгнании (эмиграции) Б. Бенеш (11, 22 декабря 1943 г. и 28 марта 1945 г.), премьер-министр Чехословацкой Республики З. Фирлингер и члены её правительства (27 июня 1945 г.).

Обеды в Кремле имели место по окончании визитов в Москву главы Временного правительства Французской республики генерала Ш. де Голля и её министра иностранных дел Ж. Бидо (9 декабря 1944 г.), председателя Совета министров Югославии маршала И. Броз Тито (11 апреля 1945 г.), председателя Исполнительного юаня, министра иностранных дел Китая Сун Цзы-Веня (13 июля 1945 г.).

При проведении официальных приёмов соблюдались правила дипломатического протокола, основанные на принципе «международной вежливости», т.е. почтительности и уважения всего, что символизирует и представляет другую страну¹². Советское государство вопреки имевшимся политическим и идеологическим противоречиям и разногласиям с капиталистическим миром стремилось в своей международной деятельности по возможности придерживаться этого принципа. В 1920–1930-х гг. НКВД практиковал устройство банкетов с приглашением большого количества гостей, в том числе иностранных дипломатов. Сначала такие мероприятия проходили в особняке НКВД (Софийская набережная, д. 14), а позднее – на территории бывшей усадьбы З.Г. Морозовой (ул. Спиридоновка, д. 17). Этот шедевр архитектора Ф.О. Шехтеля стал в конце

¹¹ После начала Великой Отечественной войны Советский Союз и Соединённые Штаты Америки не сразу стали полноценными партнёрами по антигитлеровской коалиции. До декабря 1941 г. США считались «невоюющим союзником» СССР и Великобритании.

¹² *Молочков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 6.

1930-х гг. Домом приёмов НКВД. Здесь в 1930–1939 гг. от имени народных комиссаров иностранных дел — М.М. Литвинова, с мая 1939 г. В.М. Молотова (одновременно являлся главой советского правительства) — проводились многочисленные обеды в ознаменование официальных визитов в СССР иностранных политических деятелей и дипломатов, а также по поводу очередных годовщин Октябрьской революции 1917 г.

Застолья в Кремле тогда не практиковались. Исключение составил торжественный обед, устроенный 3 мая 1928 г. М.И. Калининым в честь прибывшего в СССР короля Афганистана Амманулы-хана. Хотя советская дипломатия и «протокол» «обогатились» практикой приёмов государственных деятелей (делегаций) на высшем уровне¹³, эта традиция не получила дальнейшего развития в последующем десятилетии. Однако она возродилась в начале Второй мировой войны. 28 и 29 сентября, 5 октября и 11 октября 1939 г. в ознаменование подписания дипломатических соглашений соответственно с Германией, Эстонией, Латвией и Литвой в Кремле были организованы обеды — от имени Молотова, так как участвовавший в них Сталин был секретарём ЦК ВКП(б) и ещё не занимал высших государственных постов.

Участники этих официальных мероприятий воспринимали их как явление, имевшее важное символическое значение. Не случайно немецкий дипломат А. Хенке, присутствовавший 28 сентября 1939 г. на приёме в честь Й. Риббентропа после подписания договора о дружбе и границе между СССР и Германией, отмечал, что факт проведения данного торжества не в Доме приёмов, а «в самом Кремле», свидетельствовал о желании оказать иностранным гостям «небывалые почести»¹⁴.

В условиях складывания антигитлеровской коалиции (после 22 июня 1941 г.) необходимые протокольные знаки внимания и почести уже оказывались представителям враждебных Германии стран. Важнейшие вопросы, связанные с проведением приёмов в Кремле, решались руководством и штатными сотрудниками НКВД. В начале Великой Отечественной войны в это ведомство входили 11 территориальных и 4 функциональных отдела. Во второй половине 1941 г. количество территориальных отделов сократилось до 8, а к маю 1945 г. в составе НКВД имелись 11 территориальных и 7 функциональных отделов, несколько управлений, занимавшихся текущими делами, кадрами и валютно-финансовыми вопросами. В этом ведомстве также находились политический архив и Центральная научная библиотека.

6 сентября 1940 г. первым заместителем наркома иностранных дел был назначен А.Я. Вышинский; его заместителями являлись В.Г. Деканозов (с 3 мая 1939 г.), С.А. Лозовский (с 15 мая 1939 г.), М.М. Литвинов (с 10 октября 1941 г.), А.Е. Корнейчук (23 мая 1943 — 2 февраля 1944 г.), И.М. Майский (с 28 июля 1943 г.), С.И. Кавтарадзе (с 3 сентября 1943 г.), М.И. Алиев (22 ноября 1943 — 3 сентября 1944 г.). В 1941 г. штат сотрудников НКВД включал 641 человека, в 1942 г. — 522, в 1944 г. — 756, а к концу войны — 755¹⁵.

¹³ Никифоров Д. Протокол на заре советской дипломатии // Дипломатический ежегодник. 1989. М., 1990. С. 219, 222–223.

¹⁴ Documents on German foreign policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. VIII. The War years (September 4, 1939 — March 18, 1940). Washington, 1954. P. 942.

¹⁵ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 48–51; Очерки истории Министерства иностранных дел России... Т. 2. С. 273–274; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 684, 686, 689.

Территориальные отделы отвечали за организацию дипломатических приёмов в честь представителей союзных стран. Основная тяжесть работы по подготовке и проведению кремлёвских банкетов легла на плечи сотрудников функционального Протокольного отдела, возглавлявшегося Ф.Ф. Молочковым¹⁶. Важно отметить, что тогда отсутствовали утверждённые на уровне руководителя внешнеполитического ведомства письменные инструкции с изложением правил протокола¹⁷. Примечательно, что 22 ноября 1944 г. Сталин в беседе с членами польской делегации, предвзято застолье в узком кругу, заявил, что «официальные приёмы бывают скучны»¹⁸. Скорее всего, он имел в виду те из них, которые проходили в Кремле. Так или иначе, широко пользоваться услугами Протокольной службы НКВД Сталин начал только в конце Второй мировой войны¹⁹.

Для руководства этой службы в процессе формирования антигитлеровской коалиции складывалась непростая ситуация. Положение усугублялось тем, что особое внимание и всемерные почести, согласно общепринятым протокольным установкам, следовало, в частности, оказывать тем лидерам союзных стран, которых никак нельзя было отнести к разряду симпатизирующих Стране Советов и её политической системе (Сикорский, Черчилль, генерал де Голль). В данной связи не совсем понятно, какими критериями руководствовался заведующий Протокольным отделом НКВД при подготовке дипломатических приёмов в Кремле в честь союзников? Можно лишь предположить, что он был вынужден на первых порах действовать на свой страх и риск, «балансируя» между своими непосредственными начальниками — Молотовым и его заместителями.

Именно Молочков заранее (за две—три недели до ожидаемой даты официального визита) направлял на имя главы внешнеполитического ведомства инициативные документы, где был прописан порядок встречи, дальнейшего сопровождения и проводов высоких зарубежных гостей. В этих документах по пунктам перечислялись практические мероприятия, которые должны были провести работники советских ведомств в рамках программы пребывания в СССР той или иной иностранной делегации. Особое место в них уделялось вопросам подготовки обедов в Кремле с участием Сталина.

Дата и точное время начала приёма, общее количество и фамилии приглашённых, порядок их рассадки за столом, предлагаемое меню — все эти элементы предварительно обсуждались руководством НКВД. Конкретные предложения заведующего Протокольным отделом об устройстве официального обеда в честь представителя (представителей) той или иной союзной державы отсылались на утверждение Молотову или его заместителям. Визировал такого рода документы нарком иностранных дел.

Уже на стадии согласования вопроса об организации конкретного дипломатического приёма возникали определённые нестыковки, связанные среди прочего и с отсутствием чётко прописанных правил протокола. Так, 15 ноября 1941 г.

---

¹⁶ В 1937 г. Молочков, уже имея высшее экономическое образование, окончил Институт дипломатических и консульских работников НКВД; в 1937—1940 гг. — сотрудник советского полпредства в Литве, затем заместитель заведующего, а в 1941—1950 гг. заведующий Протокольным отделом Наркомата иностранных дел.

¹⁷ До середины 1950-х гг. не существовало единого нормативного документа, обобщающего протокольную практику советских дипломатов (*Лядов П.Ф.* Указ. соч. С. 8).

¹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 42, д. 558, л. 17.

¹⁹ *Карягин В.В.* Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. М., 1994. С. 149.

Молочков направил Молотову «Программу пребывания Сикорского в Советском Союзе», составленную накануне визита главы польского правительства в изгнании²⁰. В пункте 7 документа содержалось предложение об устройстве гостю завтрака в Москве «от имени тов. И.В. Сталина». Ознакомившись с «Программой...», Молотов подчеркнул слово «завтрак» двумя чертами, а далее вписал: «не предрешать этого»²¹. Видимо, он продолжал сохранять недоверие к главе польского правительства, изначально создававшегося как враждебное Советскому Союзу. Однако Молотов не мог не считаться с одним важным обстоятельством: 30 июля 1941 г. в Лондоне Майский и Сикорский подписали компромиссное соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Польшей и СССР и о создании на его территории польской армии²².

Ещё 30 ноября первый секретарь польского посольства в Куйбышеве Мнишек напомнил Молочкову, что согласно дипломатическому протоколу Сикорский «считается гостем»²³. Заведующий Протокольным отделом принял это напоминание к сведению. 2 декабря, в день приезда в Москву главы польского правительства, Молочков представил Молотову «предложения относительно завтрака от имени тов. И.В. Сталина» в честь высокого гостя и порекомендовал провести это мероприятие 4 декабря в 17 ч²⁴. Ознакомившись с документом, Молотов заменил «завтрак» на «обед», а время начала приёма «перенёс» на 20 ч²⁵. Скорее всего, окончательно вопрос о том, устраивать в честь польского премьера завтрак или обед, он предварительно согласовал со Сталиным. Даже если глава внешнеполитического ведомства СССР и сохранял неприязнь к лидеру Польши, самим фактом устройства достойного приёма Сталин продемонстрировал желание оказать Сикорскому соответствующие почести. Он исходил из политической (геополитической) целесообразности, причём не нарушая сформировавшегося в протокольной практике основополагающего принципа: руководитель государства может выказать своё личное расположение, равно как и неприязнь иностранному послу или лидеру²⁶.

Примечательно, что если в начале войны Молочкову приходилось неоднократно обосновывать даже устройство «завтраков», то в её конце он действовал более уверенно. Так, Молочков писал Молотову 25 июня 1945 г., имея в виду премьера прибывшего в Москву чехословацкого правительства, что «считал бы необходимым дать в один из ближайших дней в его честь обед от имени товарища И.В. Сталина... Такой обед... стал у нас обычаем. Завтрак в честь Фирлингера был бы недостаточен» (выделено мной. — В.Н.)²⁷. Очевидно, утверждая это, Молочков исходил из имевшихся прецедентов: приёмы такого «формата» устраивались в 1942–1945 гг. и для глав правительств других стран — членов антигитлеровской коалиции.

Необходимое по протоколу внимание оказывалось не только премьерам и президентам союзных государств, но и главам их внешнеполитических ведомств, в частности министру иностранных дел Великобритании Идену. Он

---

²⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 12–15.

²¹ Там же, л. 14.

²² Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. Док. № 136. С. 200–201.

²³ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 18.

²⁴ Там же, л. 15.

²⁵ Там же, л. 17.

²⁶ Семёнов И.Н. Указ. соч. С. 192.

²⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 836, л. 4.

прибыл в Москву из Архангельска поздней ночью 15 декабря 1941 г., и ему устроили торжественную встречу с участием Молотова и других официальных лиц. По «Программе пребывания...» Идена на 20 ч 18 декабря планировалось дать в Кремле обед от имени Молотова²⁸. 16 декабря в направленной последнему докладной записке Молочков просил «дать указания» по некоторым вопросам, связанным с организацией приёма, но на более высоком уровне — у Сталина. Молочков предлагал пригласить Г.И. Фомина²⁹ на этот банкет («для передачи опыта организации обедов» в Кремле) и провести его «18–19 декабря... в 19 ч. 30 м.»³⁰.

Однако Сталин всё «переиграл»: приём был устроен только 20 декабря. К сожалению, не найдены документы, которые могли бы прояснить, как принималось это решение. Скорее всего, обед перенесли на более позднее время из-за затянувшихся официальных переговоров между Сталиным и Иденом. Глава британского Форин-офиса 16, 17, 18 и 20 декабря имел с советским лидером «напряжённые» беседы — обе стороны никак не могли достичь консенсуса³¹. Официальные переговоры завершились 20 декабря в 20.30³², затем Сталин пригласил Идена и его помощника А. Кадогана на обед, причём британскому министру было предложено самостоятельно выбрать время начала приёма — 21 или 22 ч. Иден выбрал последнее. И хотя большинство сопровождавших его членов британской делегации успели поужинать в гостинице, к назначенному времени они дружно (вместе с Иденом) прибыли в Кремль на банкет³³.

Не сразу руководству Протокольного отдела НКВД удалось «утрясти» вопрос об устройстве обеда в честь У. Уилки³⁴, который 17 сентября 1942 г. на самолёте прибыл в Куйбышев, а 20 сентября прилетел в столицу. Ещё 12 сентября Молочков и заведующий Отделом латиноамериканских стран НКВД Г.Н. Зарубин переслали Молотову «Программу встречи, приёма и проводов Уилки в Москве». Документ завизировали заместители наркома иностранных дел. На первом листе имелась помета: «Тов. Молотову В.М. “Мы — за. На Ваше утверждение”. Вышинский, Лозовский». Во втором разделе «Программы...», озаглавленном «Пребывание», были расписаны протокольные мероприятия, которые следовало провести 19–21 сентября по прибытии Уилки в Москву: официальные визиты к Молотову, Сталину и, возможно, к Микояну; осмотр столичных предприятий и метро; посещение театра; поездка на Западный фронт. Молочков и Зарубин предлагали устроить высокому американскому гостю 21 сентября обед от имени наркома иностранных дел, однако этот пункт авторы документа оставили под вопросом. Собственноручная резолюция Молотова относительно второго раздела была следующей: «Пока не решать. Узнаем прежде,

²⁸ Там же, п. 8, д. 86, л. 9.

²⁹ Фомин Геннадий Иванович (1914–1980), дипломат, заместитель заведующего Протокольным отделом НКВД (1941–1945).

³⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 836, л. 20.

³¹ Ржевский О.А. Указ. соч. Док. № 7, 13, 14, 19.

³² Там же, Док. № 19. С. 90.

³³ *Eden A. The Eden Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 301; Cadogan A. The diaries of Sir Alexander Cadogan. N.Y., 1971. P. 422.*

³⁴ Подробнее о миссии У. Уилки см.: *Печатнов В.О. Указ. соч. С. 69–91; Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М., 2016. С. 200–204.*

чего хочет Уилки»³⁵. В конечном счёте, решение об устройстве обеда в Кремле вновь осталось за Сталиным, который назначил застолье на 26 сентября 1942 г.

При активном участии НКВД готовились поимённые списки приглашённых на обед в Кремль иностранных гостей и представителей СССР. По сложившейся традиции Молочков предварительно направлял такие списки Молотову³⁶, утверждавшему их окончательные варианты³⁷. По причине тщательного отбора гостей число участников приёмов в честь союзников было меньше, чем на торжественных обедах в Доме приёмов НКВД на Спиридоновке. Туда приглашали представителей партийного и государственного руководства, высшего командования Красной армии и Военно-морского флота, известных деятелей литературы и искусства, советских и иностранных дипломатов (вместе с жёнами). Мероприятия сопровождались большими концертами, участники которых тоже входили в число приглашённых.

Что касается официальных приёмов в Кремле периода Великой Отечественной войны, то по протоколу на них не предусматривалось присутствие деятелей литературы и искусства, а также исполнение концертных программ. Хотя по окончании банкета 30 октября 1943 г., по распоряжению Сталина был устроен небольшой импровизированный концерт³⁸. Кроме того, на кремлёвские обеды советские и иностранные дипломаты, а также военные приходили без жён. Правда, 1 июня 1945 г. Гопкинс и советский дипломат Майский были на приём со своими супругами³⁹.

7 ноября 1943 г., вспоминал Майский, на устроенном на Спиридоновке от имени Молотова праздничном банкете присутствовало свыше 500 человек⁴⁰. А самым многолюдным из кремлёвских оказался обед 1 октября 1941 г., где, по словам Гарримана (главы делегации США на первой Московской союзнической конференции) было более 100 гостей⁴¹ (для сравнения: в «Списке приглашаемых...», составленном Молочковым 30 сентября, перечислялось свыше 90 фамилий)⁴². В остальных случаях на официальных обедах присутствовало от 30 до 70 человек (см. табл.).

Обычно для размещения гостей и хозяев вполне хватало одного стола, за исключением банкетов, состоявшихся 1 октября 1941 г., 14 августа 1942 г. и 28 марта 1945 г., когда пришлось накрывать два стола⁴³. Интересен персональный состав участников кремлёвских обедов. Так, Гарриман отмечал, что на приёме в честь делегаций первой Московской союзнической конференции присутствовали члены американской и британской (её возглавлял лорд У.М.Э. Бивербрук) делегаций, сотрудники посольств Великобритании и США, высокопоставленные советские функционеры⁴⁴.

³⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 22, д. 239, л. 53.

³⁶ Там же, л. 48; оп. 5, п. 29, д. 337, л. 57, 58, 64, 64 об.

³⁷ Там же, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 15, 17; оп. 5, п. 34, д. 405, л. 31–32; оп. 56, п. 40, д. 17, л. 7–8; оп. 6, п. 5, д. 751, л. 21–22; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 26; п. 53, д. 878, л. 20–21.

³⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 4, д. 648, л. 26–27.

³⁹ Правда. 1945. 2 июня.

⁴⁰ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. М., 2009. С. 324.

⁴¹ *Harriman F., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. N.Y., 1975. P. 98.

⁴² АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 33, д. 441, л. 21–24. Здесь и далее приводится приблизительное количество участников дипломатических приёмов в Кремле 1941–1945 гг., поскольку в статье использованы главным образом сохранившиеся в архиве черновые варианты списков приглашённых.

⁴³ Там же, оп. 7, п. 51, д. 831, л. 22.

⁴⁴ *Harriman F., Abel E.* Op. cit. P. 98.

**Количество участников дипломатических приёмов И.В. Сталина
в 1941–1945 гг. (в порядке убывания)**

Даты приёмов	Примерное количество человек
1 октября 1941 г.	100
14 августа 1942 г.*, 28 марта 1945 г.	70
9 декабря 1944 г.**, 23 июня 1945 г.	60
23 мая, 30 октября, 22 декабря 1943 г., 27 июля, 18 октября 1944 г., 11 апреля 1945 г.	50
20 декабря 1941 г., 11 декабря 1943 г., 13 августа 1945 г.	40
4 декабря 1941 г., 13 июля 1945 г.	30

Составлено по: АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 4, 5, 16–17, 19; п. 33, д. 441, л. 21–24; оп. 4, п. 14, д. 134, л. 8–10, 12–14; п. 22, д. 239, л. 48; оп. 5, п. 29, д. 337, л. 56–60, 64–65; п. 34, д. 27, л. 27; д. 406, л. 31–35; оп. 56, п. 40, д. 17, л. 7–8; оп. 6, п. 22, д. 229, л. 14; п. 51, д. 831, л. 21–28; п. 55, д. 751, л. 16, 18–22; оп. 7, п. 36, д. 522, л. 30–32; п. 39, д. 594, л. 10–11; п. 40, д. 598, л. 8; п. 44, д. 683, л. 18–20; д. 689, л. 58; п. 53; д. 878, л. 20–21; ф. 69, п. 104, оп. 30, д. 13, л. 25; ф. 129, оп. 25, п. 35, л. 1–4.

* Черчилль утверждал, что на обеде 14 августа 1942 г. присутствовало «около сорока человек», по воспоминаниям советского военачальника А.Е. Голованова – «человек десять, а может быть, чуть больше» (*Невезжин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. Док. № 69. С. 308, 311).

** По словам авиаконструктора А.С. Яковлева, на приём 9 декабря 1944 г. «собралось человек пятьдесят» (Там же. Док. № 98. С. 424).

В «Списке приглашаемых на обед 1 октября 1941 г. в Кремле» было представлено несколько групп: американская делегация (23 человека); американское посольство (7); английская делегация (20); английская военная миссия (6); английское посольство (8); советская делегация (10, не считая Сталина); ответственные работники наркоматов (17)⁴⁵. Однако в этом документе не были упомянуты майор Харвей (A.L. Harvey), лейтенант Рейчерс (L.T. Reichers), пилоты двух американских бомбардировщиков В-24, которые на своих самолётах и доставили в Москву делегации союзников⁴⁶.

На дипломатических приёмах, отмечали их иностранные участники, помимо членов Политбюро ЦК ВКП(б) неизменно присутствовали официальные лица, сотрудники НКВД, представители высшего военного руководства⁴⁷. Действительно, там всегда находились Сталин и его ближайшие соратники, партийные и государственные деятели. В тот период Политбюро ЦК ВКП(б) состояло из 14 человек, девять из них (И.В. Сталин, А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.С. Хрущёв) являлись членами Политбюро, пять (Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков) – кандидатами в члены Политбюро. Сталин, Берия, Вознесенский (с 3 февраля 1942 г.), Ворошилов (до 22 ноября 1944 г.)⁴⁸, Каганович (с 20 февраля 1942 г.), Маленков и Молотов входили в состав ГКО.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 33, д. 441, л. 21–24.

⁴⁶ *Harriman F., Abel E.* Op. cit. P. 98–99.

⁴⁷ *Невезжин В.А.* Застольные речи Сталина... Док. № 69. С. 308; Док. № 85. С. 367; Док. № 94. С. 408; *Laloy J.* À Moscou: entre Staline et de Gaulle, décembre 1944 // *Revue des études slaves.* Т. 54. 1982. Fasc. 1–2. P. 147–148.

⁴⁸ К.Е. Ворошилова в составе ГКО заменил 22 ноября 1944 г. член ЦК ВКП(б) Н.А. Булганин.

Участниками официальных банкетов периода Великой Отечественной войны были не все, а лишь некоторые представители «ближнего круга» Сталина: 20 декабря 1941 г., 14 августа 1942 г., 30 октября 1943 г. и 18 октября 1944 г. — по восемь человек⁴⁹; 16 марта и 9 декабря 1944 г. — по семь⁵⁰; 11 апреля 1945 г. — девять человек⁵¹; 26 сентября 1942 г. — Сталин и пять членов и кандидатов в члены Политбюро⁵².

На всех обедах в Кремле в честь союзников неизменно присутствовал Молотов, часто бывали Ворошилов, Каганович, Микоян, Берия, Вознесенский и Маленков. Приглашались на них глава советских профсоюзов Н.М. Шверник, а также кандидат в члены Политбюро, первый секретарь Московского городского и областного комитетов ВКП(б) А.С. Щербаков, занимавший одновременно должности начальника Главного политического управления Красной армии и начальника Совинформбюро.

Гораздо реже на дипломатических приёмах появлялись председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин (видимо, из-за обострявшейся болезни «всесоюзного старосты»), А.А. Жданов (в 1941—1944 гг. находился в блокадном Ленинграде) и Н.С. Хрущёв (являлся членом военных советов ряда фронтов и часто отсутствовал в Москве). Лишь дважды (уже по окончании Великой Отечественной войны) присутствовал на таких обедах А.А. Андреев⁵³. Трудно сказать, почему его, члена Политбюро ЦК, не приглашали на приёмы во время войны. Возможно потому, что в отличие от других сталинских соратников он не занимал важных государственных должностей в военной сфере, а возглавлял Народный комиссариат земледелия СССР (1943—1946).

Кроме того, участниками обедов в Кремле являлись заместитель председателя СНК СССР (до мая 1944 г.), член ГКО и заместитель народного комиссара обороны Н.А. Булганин, заместитель председателя СНК СССР, председатель СНК РСФСР А.Н. Косыгин, а также заместители главы НКВД Вышинский, Деканозов, Литвинов, Лозовский, руководители структурных подразделений этого ведомства и дипломаты, работавшие в годы войны в союзных странах (А.Е. Богомолов, Ф.Т. Гусев, Г.Н. Зарубин, С.П. Козырев, И.М. Майский, Ф.Ф. Молочков, Н.Г. Пальгунов, А.А. Соболев, К.А. Уманский).

Отличительной особенностью кремлёвских приёмов являлось участие в них руководителей наркоматов оборонной промышленности — Б.Л. Ванникова, В.М. Малышева, И.Т. Тевосяна, Д.Ф. Устинова, А.И. Шахурина и видных советских военачальников: членов Ставки Верховного главнокомандования — К.Е. Ворошилова, С.М. Будённого, Г.К. Жукова, Н.Г. Кузнецова, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошникова, начальников Генерального штаба Красной армии — А.М. Василевского (до февраля 1945 г.), А.И. Антонова (с февраля 1945 г.) и командующих родами войск РККА — Н.Н. Воронова, А.Е. Голованова, А.А. Новикова и Я.Н. Федоренко.

Состав иностранных участников приёмов обуславливался соответствующими поводами для их организации. Знаменательно, что уже на первом банкете в честь союзников (1 октября 1941 г.) присутствовали послы Великобритании

⁴⁹ Правда. 1942. 1 января; 1944. 17 марта; 10 дек.; АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 14, д. 134, л. 14; оп. 56., п. 40, д. 17, л. 5; оп. 6, п. 22, д. 229, л. 14.

⁵⁰ Правда. 1944. 17 марта, 10 декабря.

⁵¹ Там же. 1945. 11 апреля.

⁵² Там же. 1942. 27 сентября.

⁵³ Там же. 1945. 24 июня, 28 июня.

(С. Криппс) и США (Л.А. Штейнгард)⁵⁴, хотя до 22 июня 1941 г. (тогда советско-английские и советско-американские отношения оставляли желать лучшего) Сталин и Молотов старались дистанцироваться от глав дипломатических представительств обеих держав⁵⁵.

Как правило, на приёмы в честь британских союзников всегда приглашались представители США. Например, на обеде 14 августа 1942 г. помимо Черчилля и сопровождавших его лиц (25 человек) присутствовали 17 американцев во главе с Гарриманом⁵⁶. Среди приглашённых на обед 18 октября 1944 г. были 18 человек «со стороны англичан и американцев»⁵⁷. На банкетах, где «героями дня» являлись американцы, находились и англичане⁵⁸.

На обеде 9 декабря 1944 г. среди иностранных гостей фигурировали не только «виновники торжества» — французы, но и сотрудники посольств США и Великобритании в Москве⁵⁹. Однако ранее на организованном в честь Сикорского приёме присутствовали исключительно поляки⁶⁰, в честь Броз Тито — члены делегации Югославии⁶¹, а на банкетах 11 и 22 декабря 1943 г. — только представители Чехословацкой Республики⁶². После победы над Германией эту «традицию» нарушили. Например, на приёме 23 июня 1945 г. в качестве почётных иностранных гостей были не только поляки, но и послы Великобритании и США⁶³.

В ходе общей кампании по введению нового обмундирования и знаков различия в советских вооружённых силах и госучреждениях в 1943 г. была утверждена дипломатическая форма для сотрудников внешнеполитического ведомства. Согласно принятому 28 мая СНК СССР специальному постановлению вводились повседневная и парадная форменная одежда для работников НКВД и дипломатических сотрудников посольств и миссий СССР за границей (форма и знаки различия официально вошли в обиход с 1 ноября 1943 г.). Дипломатам предписывалось ношение парадной формы, в частности, на торжественных приёмах и банкетах у председателя СНК СССР и народного комиссара иностранных дел⁶⁴.

При подготовке визита генерала де Голля в СССР Протокольный отдел НКВД внёс предложение о том, чтобы ответственные работники наркомата участвовали в торжественных официальных мероприятиях в парадной форме, в том числе на обеде у Сталина. Это решение предлагалось довести до сведения Наркомата обороны, чтобы не только советские дипломаты, но и военные чины были одеты соответствующим предстоящему торжеству образом⁶⁵. На состоявшемся 9 декабря 1944 г. приёме, по словам переводчика генерала де Голля

⁵⁴ Там же. 1941. 3 октября.

⁵⁵ Документы внешней политики. 1940—22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2(2). М., 1998. Док. № 785. С. 595—596; Док. № 854. С. 720; Док. № 855. С. 724.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 14, д. 134, л. 12, 13.

⁵⁷ Там же, оп. 6, п. 22, д. 229, л. 14.

⁵⁸ Там же, оп. 5, п. 29, л. 337, л. 58, 64, 64 об.; оп. 7, п. 44, д. 683, л. 20.

⁵⁹ Там же, оп. 6, п. 55, д. 751, л. 19—20.

⁶⁰ Там же, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 15.

⁶¹ Там же, оп. 7, п. 53, д. 878, л. 20.

⁶² Там же, оп. 5, п. 34, д. 405, л. 28; оп. 7, п. 81, д. 831, л. 27, 31—34.

⁶³ Там же, оп. 7, п. 39, д. 594, л. 11.

⁶⁴ *Борунков А.Ф.* Указ. соч. С. 83; *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* Т. 2. С. 304; *Лядов П.Ф.* Указ. соч. С. 145—146; *Великая Отечественная война 1941—1945 годов.* Т. 8. С. 693—694.

⁶⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 55, д. 751, л. 28.

французского дипломата Ж. Лалуа, представители СССР (не исключая Сталина, одетого в маршалский парадный мундир) были в позолоченной униформе, при эполетах и в орденах. На этом фоне гости из Франции в своих кителях «смотрелись несолидно»⁶⁶.

При подготовке приёма, намеченного на 28 марта 1945 г., в комментарии к списку приглашённых, представленному Молочковым Вышинскому, а затем отправленному на утверждение Молотову, специально оговаривалось, что участники мероприятия должны прибыть в парадной форме с орденами⁶⁷.

Важной протокольной нормой и одновременно составной частью официального приёма является рассадка хозяев и гостей за обеденным столом⁶⁸. В ходе визитов на высшем уровне она осуществлялась в полном соответствии с общепринятыми правилами вежливости, соблюдением признанного служебного или общественно-политического положения гостей⁶⁹. Контролировал этот процесс Молочков, о чём свидетельствуют подготовленные при его участии «План рассадки на обеде 4 декабря 1941 г.», схемы рассадки на приёмах 22 декабря 1943 г., 28 марта, 13 июля и 13 августа 1945 г.⁷⁰ Молочков строго придерживался «принципа (правила) правой руки» (во время официального приёма самое почётное место гостя за столом — по правую руку хозяина)⁷¹.

Пресс-атташе польского посольства К. Прушинский, например, описал важный момент банкета 4 декабря 1941 г. следующим образом. После приглашения гостей к столу он быстро обнаружил свою визитную карточку и занял отведённое ему место. Сталин и Молотов сидели за столом друг напротив друга. По правую руку Сталина, по словам Прушинского, «восседал» генерал Сикорский, слева — посол Польши С. Кот⁷². Точно так же на приёмах 22 декабря 1943 г. и 28 марта 1945 г. главный «виновник торжества» — Э. Бенеш занимал место справа от Сталина⁷³.

В мемуарах встречаются некоторые неточности при описании персонального состава участников дипломатических приёмов в Кремле. Так, адъютант генерала В. Андерса ротмистр Е. Климковский, присутствовавший на банкете 4 декабря 1941 г., утверждал, что видел там Жданова⁷⁴, чего в принципе быть не могло.

Однако участники дипломатических раутов 1941–1945 гг. редко допускали подобные ошибки. Так, Лалуа точно перечислил всех, присутствовавших на официальном обеде 9 декабря 1944 г.: Сталин, Берия, Богомолов, Ворошилов, Каганович, Молотов, Б.Ф. Подцероб (старший помощник наркома иностранных дел), Гарриман, де Голль, Бидо, Р. Гарро (представитель Временного правительства Французской Республики при правительстве СССР), А.П. Жуэн (начальник Штаба национальной обороны Франции), Ж. де Шарбоньер (руководитель аппарата кабинета министров Франции). Сталин, отмечал

⁶⁶ *Laloy J.* Op. cit. P. 147.

⁶⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 831, л. 20–22.

⁶⁸ Семёнов В.Л. Указ. соч. С. 53.

⁶⁹ Лядов П.Ф. Указ. соч. С. 124.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 4; оп. 5, п. 34, д. 405, л. 35; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 28; п. 36, д. 522, л. 32; п. 44, д. 683, л. 20.

⁷¹ Семёнов И.Н. Указ. соч. С. 213.

⁷² *Pruszyński K.* Noc na Kremlu. Warszawa, 1989. S. 96–97; АВП РФ, ф. 06, оп. 3 АВТО, п. 19, д. 244, л. 4.

⁷³ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 34, д. 405, л. 35; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 28.

⁷⁴ *Klimkowski J.* Biłem adutantem generała Andersa. Warszawa, 1959. S. 200.

французский дипломат, провозглашал здравицы за Н.А. Булганина, Н.Н. Воронова, А.А. Новикова, А.С. Яковлева и П. Пуйяда, французского лётчика эскадрильи «Нормандия—Неман»⁷⁵ (все вышеперечисленные зафиксированы и в «Списке...», составленном в Протокольном отделе НКВД)⁷⁶.

В некоторых случаях «завершающим актом» дипломатического приёма являлся просмотр кинофильмов («конёк» для Сталина) в специально предназначенном для этого помещении⁷⁷. В 1934 г. на месте Зимнего сада Большого Кремлёвского дворца появился миниатюрный кинотеатр размером 7.5 × 17 м, общей площадью около 130 кв. м, оснащённый самыми совершенными для того времени техническими средствами и проекционным оборудованием. Зал, в котором могли расположиться порядка 20 зрителей, отличался особым комфортом. В нём с большими интервалами представлялись самые совершенные модели кресел, обитых тёмно-зелёным дерматином, — как в зале заседаний Верховного Совета СССР. Для поглощения звука стены в помещении были задрапированы тёмно-зелёной, с полоской, атласной тканью. Окна занавешивались непроницаемой для света тканью такого же тона, как и стены. Пол закрывал простой серый ковёр. Лампы «скрывались» в карнизах потолка, а свет перед сеансом медленно гасили с помощью реостата⁷⁸.

Фильмы, демонстрировавшиеся иностранным гостям, по распоряжению Сталина тщательно подбирали. Так, по окончании состоявшегося 30 октября 1943 г. банкета, Сталин, вспоминая Хэлл, провёл его и ещё двух—трёх гостей в кинопросмотровый зал. Здесь им предложили художественный фильм антияпонской направленности «Волочаевские дни», выпущенный в 1938 г., в период обострения ситуации на дальневосточных границах СССР. Госсекретарь США сразу понял намёк, который был особенно актуален: «Теперь никакой попытки скрыть причины выбора этого фильма для нашего просмотра не делалось. Показанный почти сразу же после заявления Сталина, что Советский Союз вступит в войну против Японии, фильм имел двойное значение»⁷⁹.

Особый интерес при исследовании темы вызывает вопрос, связанный с тем, как иностранцы воспринимали кулинарное меню официальных приёмов в Кремле⁸⁰. Несомненно, гостей восхищали сервировка столов, изысканные кушанья и блестящее обслуживание квалифицированного персонала. Для работы на этих обедах приглашались опытные метрдотели и официанты из первоклассных московских ресторанов. За организацию питания и обслуживания участников обедов в годы Великой Отечественной войны отвечал высокопоставленный сотрудник НКВД А.Я. Егнаташвили⁸¹.

Кулинарное разнообразие и обилие яств, включённых в меню дипломатических приёмов Сталина 1941—1945 гг. (холодные и горячие закуски, обед

⁷⁵ Laloy J. Op. cit. P. 147.

⁷⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 55, д. 751, л. 19—20.

⁷⁷ Кремлёвский кинотеатр. 1928—1953. Документы. М., 2005.

⁷⁸ Большой Кремлёвский дворец. Изд. 2, доп. М., 2010. С. 338—340.

⁷⁹ Цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 396.

⁸⁰ В нашем распоряжении имелись пять меню дипломатических приёмов Сталина тех лет: 4 декабря 1941 г., 22 декабря 1943 г. (*Невежин В.А.* Еда и алкогольные напитки... С. 156—159), 30 октября 1943 г. (*Невежин В.А.* Церемониймейстер Сталин. Дипломатические приёмы в Кремле как часть внешнеполитической игры // Живая история. 2015. № 3(3). С. 23), 15 августа 1942 г. (АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 14, д. 134, л. 18, проект) и 23 мая 1943 г. (Там же, оп. 5, п. 29, д. 337, л. 62).

⁸¹ Кремль. Особая кухня... С. 21—22.

(первое, второе), десерт), в основном соответствовало национальным традициям СССР, однако в целом стало отражением своеобразного синтеза французской, русской и кавказской (грузинской) кухни⁸².

Набор холодных закусок (ещё в сентябре 1939 г. он вызвал восхищение у германских дипломатов)⁸³ выглядел следующим образом: икра зернистая, икра паюсная; рыба (копчёная, солёная, вяленая, заливная, с гарниром или без него) — белорыбца, лосось, осетрина, севрюга, сельдь, сёмга, шамая; мясные блюда, птица, дичь (с гарниром и без него) — ветчина, галантин, поросёнок с хреном, ростбиф, телятина, шефруа и майонез из дичи, утки андоб. Здесь же были выпечка (бриоши, кулебяки, расстегайчики, тосты), салаты («Весна», «Оливье», «Паризьен», «Паяр», из свежих помидор), сыры, масло сливочное, овощи (огурцы — отдельно предлагались кавказские, помидоры, редис). Всё вышеперечисленное в различных сочетаниях варьировалось в меню каждого из приёмов.

Разнообразием отличались и горячие закуски: грибы (белые или шампиньоны) в сметане огратен, медальон из дичи пуаврад, форшмак из дичи, кабачки миньер, плов из молочного барашка, валованчики маседуан и финенсер, стерлядь миньер с каперсами.

На первое подавались супы и бульоны, главным образом мясные и куриные. 4 декабря 1941 г., 14 августа 1942 г. и 23 мая 1943 г. в меню были включены куриный суп-крем, консоме и борщок, 30 октября и 22 декабря 1943 г. — суп-крем и консоме.

Богатым был набор вторых блюд. На обеде 4 декабря 1941 г. в меню входили стерлядь в шампанском, нельма отварная, индейки, цыплята, рябчики, а также спаржа, соус муслин и масло. Помимо этого, 14 августа 1942 г. и 23 мая 1943 г. предлагались молочный барашек с картофелем, цветная капуста, 30 октября 1943 г. — лосось отварной, соус раковый, индейки, цыплята, куропатки с вареньем, цветная капуста, спаржа, соус муслин, 22 декабря 1943 г. — нельма отварная, соус муслин, индейки, цыплята, куропатки с красной капустой, валованчики маседуан.

Десерт состоял из мороженого (фруктового, сливочного, ванильного или пломбира орехового), парфе (шоколадного или клубничного), кофе, ликёров, фруктов, пети-фура, сыров разных и жареного миндаля.

Вспоминая банкет 30 октября 1943 г., советский дипломат В.М. Бережков писал, что Егнаташвили, «ведавший церемониалом приёмов, составил особенно изысканное меню... В разложенных у каждого прибора кремовых карточках с тиснённым государственным гербом Советского Союза перечислялись блюда русской, французской и кавказской кухни»⁸⁴.

Наряду с известными французскими кулинарными терминами («огратен», «пуаврад», «консоме», «парфе», «пети-фур», «оливье», «паризьен») в меню фиксировались и типично русские («борщок», «расстегайчики», «сёмга», «нельма», «рябчики», «куропатки»). К концу 1930-х гг. одной из составных частей в меню представителей кремлёвской элиты были кавказские (преимущественно грузинские) блюда, ведь Сталин, Микоян и Берия были родом с Кавказа⁸⁵. Доставкой продуктов для высшего советского руководства занимался Егнаташвили.

⁸² Там же. С. 22.

⁸³ Documents on German foreign policy 1918–1945. Series D. Vol. VIII. P. 942.

⁸⁴ Цит. по: *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... Док. № 76. С. 335.

⁸⁵ *Scott E.R.* How Georgian Cuisine Conquered the Soviet Table // *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History.* 13, 4 (Fall 2012). P. 836–840.

Как известно, Черчилль был настоящим гурманом во всём, что касалось еды, которая «играла важную роль в его жизни». Он «в равной степени удивлял министров и генералов своим недюжинным аппетитом», предпочитая «плотные завтраки с отбивными и беконом, обильные, тщательно продуманные трапезы»⁸⁶. В своём поместье Чартуэлл британский премьер устраивал в конце 1930-х гг. «весёлые трапезы»: потреблял яичницу с беконом, отбивную котлету или ножку цыплёнка на завтрак. В обед наслаждался устрицами или супом по-савойски; ему подавали далее филе камбалы, завернутое в копчёную лососину, с гарниром из креветок под чесночным соусом. Затем шло жаркое из оленины, фаршированное паштетом из гусиной печёнки под соусом из трюфелей⁸⁷.

По всей вероятности, Сталин знал о кулинарных пристрастиях нового союзника и постарался использовать это. По некоторым сведениям, специально для Черчилля во время приёма 14 августа 1942 г. приготовили и подали на стол блюдо грузинской кухни – шашлык, и британский премьер якобы остался доволен, отведав этот деликатес⁸⁸. Правда, согласно проекту отредактированного Егнаташвили⁸⁹ меню, упоминался не шашлык, а «молочный барашек с картофелем, салат с огурцами». Так или иначе, набор блюд отличался большим разнообразием и обилием. Недаром Черчилль вспоминал об этом сталинском банкете: «Меня изрядно угощали»⁹⁰.

Не менее изысканным оказался обед и в честь Дж. Дэвиса⁹¹, прибывшего со специальной миссией в Москву по поручению американского президента в мае 1943 г.⁹²

В целом дипломатические приёмы Сталина в честь союзников по антигитлеровской коалиции (1941–1945) являлись не только обязательными протокольными действиями, но и одной из практиковавшихся советским лидером специфических форм общения в политической сфере. Организованные им в Кремле банкеты становились мероприятиями государственного масштаба, в ходе которых по отношению к иностранным гостям, в том числе представителям союзных государств, соблюдались общепринятые протокольные нормы оказания уважения и почестей. Предлагавшиеся гостям изысканные яства из меню особой кремлёвской кухни служили ещё одним подтверждением проявления советского гостеприимства.

---

⁸⁶ Бедарида Ф. Черчилль. М., 2003. С. 289.

⁸⁷ Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2004. С. 249.

⁸⁸ Богомолов А.А. Добрый дедушка Сталин. Правдивые рассказы из жизни вождя. М., 2012. С. 56.

⁸⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 14, д. 134, л. 15.

⁹⁰ Невежин В.А. Застольные речи Сталина... Док. № 69. С. 309.

⁹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 29, д. 337, л. 51.

⁹² Подробнее о миссии Дж. Дэвиса см.: Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 275–296; Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч. С. 204–209.